

ПРЕДИСЛОВИЕ

При написании этой книги я испытывала самые разные чувства к Теду. Временами интенсивность моей любви к нему пугала меня. Когда я думала о некоторых счастливых моментах, которые мы разделяли, меня переполняло чувство, что он не должен сидеть в тюрьме. Но когда я закончила писать, эти чувства превратились в гнев на то, что он хладнокровно и капризно убил всех этих женщин. Прошло семь лет с тех пор, как меня коснулась первая тень сомнения и три года с тех пор, как я уверилась в том, что мои опасения были правдой. Но иногда эта тень снова поражает меня, как впервые.

В 1974 году, когда жертвы исчезали, я отождествляла себя с ними (хотя и была старше) и опасалась за свою безопасность. Семь лет спустя, когда я писала свою историю, я отождествляла их со своей дочерью и могла представить боль, которую Тед Банди причинил их родителям, и ужасную пустоту, оставшуюся после их смерти.

Несмотря на все разрушения, которые он причинил вокруг себя, меня все равно волнует, что будет с Тедом. Я пришла к пониманию того, что часть меня всегда будет любить часть его. Однако он больше не является частью моей повседневной жизни. Написание этой книги было похоже на удаление опухоли из мозга.

Наивно я думала, что унесу с собой в могилу тайну своей причастности к аресту Теда, но вскоре после его осуждения репортеры, писатели и частные сыщики начали появляться в моем офисе и дома, каждый с собственной причиной, зачем я должна рассказать им, что произошло на самом деле. Я отказывалась. Я знала, что мои решения и мотивы никогда не будут поняты, если я не

расскажу свою собственную историю от начала до конца. Я благодарю Дэна Леванта за предоставленную мне возможность. Я также хотел бы поблагодарить Энн Адамс и моего адвоката Гленну Холл за их помощь. Особая благодарность моему начальнику за моральную поддержку, которую он оказывал мне в эти трудные годы, и за его постоянную поддержку, пока я писала эту книгу.

Один из тех, кто читал книгу в рукописи, сказал нечто, что меня обеспокоило: «Вы просите людей пожалеть вас. Боже мой, люди погибли! Ты одна из счастливиц — ты выжила!» Я хочу ответить на это. Я никогда не забывала, что настоящих женщин убивали только за то, что они были привлекательными и дружелюбными. Ужасная реальность их смерти стала и моей реальностью. Их трагедия была моей травмой. Долгое время я жила с чувством вины, думая, видел ли Тед меня в этих женщинах, не было ли их убийство болезненной, навязчивой попыткой убить то, что он ненавидел во мне. Я благодарна Богу за то, что выжила, за возможность решить свои проблемы, за стойкость, которую Бог дает людям.

Я также благодарна своим родителям и моей семье, которые любят меня, несмотря ни на что, моей восьмидесятичетырехлетней тете, которая на своем примере учит меня жить и любить, моим друзьям, которые всегда рядом, когда я в них нуждаюсь (а они мне очень нужны), Хэнку, который помог мне порвать с разрушительными отношениями, Энджи, которая помогает мне расти духовно, моему спонсору из АА, который помог мне узнать себя, но больше всего моей дочери — очень, очень особенной молодой женщине.

Элизабет Кендалл

Там, где возможно сохранить анонимность, я изменила имена в этой книге. Потерпевшие, должностные лица и все те, кто публично упоминался в СМИ, фигурируют здесь под своими настоящими именами.

ГЛАВА 1. БОГ ДО ТЕБЯ ДОБЕРЕТСЯ

Понедельник, 1 марта 1976 года. Я сидела в холодном зале суда в Солт-Лейк-Сити рядом с родителями Теда Банди. Снаружи шел снег. Тед сидел за столом защиты со своими адвокатами, ожидая возвращения судьи с вердиктом. Я уставилась на затылок Теда, вспоминая о том, через что мы прошли вместе за последние шесть лет.

Тед Банди предстал перед судом за попытку похищения молодой женщины Кэрол Да Ронч из пригородного торгового центра недалеко от Солт-Лейк-Сити. Она опознала Теда как человека, который, представившись полицейским, заманил ее в свой «Фольксваген», надел на нее наручники и попытался размозжить голову ломом. Ее попытка похищения была связана с исчезновениями и убийствами нескольких молодых женщин в районе Солт-Лейк-Сити. А убийства в Солт-Лейк-Сити были связаны с восемью убийствами молодых женщин в районе Сиэтла за первые семь месяцев 1974 года.

Тед и я встретились в Сиэтле в октябре 1969 года, стали любовниками и продолжали отношения до сентября 1974 года, когда он переехал в Солт-Лейк-Сити. Даже сейчас, спустя полтора года, мы еще далеко не закрыли гештальт. С лета 1974 г. меня мучили опасения, что Тед причастен к убийствам в районе Сиэтла. Наконец, я обратилась со своими подозрениями в полицию графства Кинг. Они сказали мне, что проверили Теда и исключили его из числа подозреваемых. Но мне все еще было не спокойно на душе и в январе 1975 года я обратилась в полицию Солт-Лейк-Сити. Они также сказали мне, что он был чист.

Теперь я поняла, что ужасно заблуждалась и что мой Тед не мог быть виновен в этих ужасных преступлениях — но я привела в действие механизм закона, который мог сломать ему жизнь.

Вошел судья Стюарт Хэнсон, и мы все встали. Казалось, в зале суда не хватало воздуха.

— Я нахожу подсудимого, Теодора Роберта Банди, виновным в похищении с отягчающими обстоятельствами, тяжком преступлении первой степени.

Адвокат Теда попросил, чтобы Теду разрешили провести некоторое время со своей семьей. Мы вошли в комнату судьи, где Теда обыскали и сковали ему руки за спиной. Я обняла его и сказала, что сожалею. Он был мокрым от пота и застыл от напряжения. Я поцеловала его в щеку и прошептала: «Я люблю тебя».

Я ненавидела себя за то, что сделала с ним.

В июле 1979 года я снова наблюдала за Тедом, когда зачитывался очередной приговор. На этот раз суд проходил во Флориде, и я смотрела его по телевизору. На этот раз я была уверена, что Тед виновен в предъявленном ему обвинении: виновен в изнасиловании и избиении до смерти двух молодых женщин, спавших в общежитии Университета штата Флорида, и в жестоком избиении еще трех человек. Я знала, что он виновен, из-за того, что он сказал мне по телефону в 2 часа ночи в феврале сразу после того, как его схватили во Флориде.

Прокуроры Флориды посетили меня в Сиэтле и попросили дать показания против Теда. Сначала я согласилась, но чем больше думала об этом, тем больше меня обуревали сомнения. Я все еще очень заботилась о нем и очень много работала над тем, чтобы восстановить свою жизнь. Я была уверена, что защита сможет превратить в фарш и мои показания и меня саму. Меня никогда не упоминали в прессе, и я ценила свою анонимность. Моя сексуальная жизнь

с Тедом должна была стать предметом большого интереса газетчиков, как она уже заинтересовала всех полицейских следователей. Я была выздоравливающей алкоголичкой — три года ни капли в рот, — но в этом определении люди слышали только слово «алкоголичка».

В офисе государственного обвинителя мне сказали мне, что мои показания жизненно важны и пообещали защитить меня от нападков адвокатов Теда — но я напомнила им, что во время нашего телефонного разговора в 2 часа ночи Тед специально отказался говорить со мной о преступлениях во Флориде. Он пытался устроить все так, чтобы его можно было вернуть в тюрьму в штате Вашингтон и быть рядом со своей семьей и друзьями. Я спросила прокуроров, почему они не поторговались с Тедом, не предложили ему это в обмен на ответы на вопросы об убийствах молодых женщин в Вашингтоне, Орегоне, Юте и Колорадо.

С тяжелым южным акцентом один из них сказал мне:

— Мистер Банди торгуется на свою жизнь. Мы — на его смерть.

Я не могла быть частью этого. Они видели в Теде Банди убийцу. Я — любовника и друга. Мне угрожали экстрадицией, если я не буду сотрудничать, но в конце концов дело было прекращено, и я больше никогда не получала вестей от прокуратуры Флориды. Присяжным потребовалось всего шесть часов, чтобы вынести обвинительный вердикт.

* * *

Я могу по пальцам сосчитать, сколько раз Тед угрожал мне или проявлял хоть немного жестокости по отношению ко мне. И все же я чувствую, что пережила жестокое время. Из последние шести лет моей жизни слишком много времени было потрачено на мысли об избиениях, удушениях, изнасилованиях, на возмущение жестокой

смертью невинных людей, на ощущение моей собственной вины. Неправда, написанная обо мне и моих отношениях с Тедом, — это другой вид возмущения. Эта книга — попытка избавиться от обоих кошмаров, повернувшись к ним лицом.

* * *

Я уехала из Юты в 1969 году, мне было двадцать четыре года, и я была недовольна тем, как складывалась моя жизнь. На первый взгляд у меня все было в порядке. Я училась на последнем курсе колледжа штата Юта и получала достаточно хорошие оценки, чтобы попасть в список декана. Неплохо, учитывая, что несколько лет назад меня отстранили по дисциплинарным причинам. Моя двухлетняя дочь Тина была для меня большой радостью, и, поскольку она была первой внучкой с обеих сторон своей семьи, мне помогали и поддерживали все четверо бабушек и дедушек.

С другой стороны, мой короткий брак с отцом Тины обернулся катастрофой. Хотя я испытала облегчение, когда наш развод был окончательно оформлен, я сразу испытала неловкость от статуса разведенки. Я потратила уйму времени, загоняясь над тем, что со мной не так, что я не могу заставить свой брак работать. Мне дали все инструменты, необходимые для успешной жизни, но каким-то образом я ухитрилась облажаться.

Мой отец был уважаемым дантистом в Огдене, в тридцати милях к северу от Солт-Лейк-Сити. Моя мама работала медсестрой, пока не родился мой старший брат, а потом она стала заботливой домохозяйкой. Наша семья не была активна в церкви — нас считали «джек-мормонами», мормонами только по названию, не следовавшим всем церковным правилам. Но я все еще знала, что наши предки прошли через Америку, чтобы мы могли быть мормона-

ми. Мы с мамой молились вместе, когда я была маленькой, и я выросла, познав силу молитвы. Я также знала, что если ты забудешь благодарить Бога, Бог до тебя доберется.

К старшей школе единственное чего я хотела — это проводить время со своим парнем Беном. У него была черная спортивная машина MGA, и когда мы не катались на ней, мы мыли ее, натирали воском и чистили проволочные колеса. Мы катались на лыжах при каждом удобном случае, олицетворяя подростковый шик, мчась по дороге в блестящем черном MGA с лыжами сзади.

Мы с Беном учились ровно. Мы собирались пожениться, как только закончим школу, родить ребенка и назвать его Штейном в честь Штейна Эриксона, популярного в то время лыжного гонщика. У моих родителей были другие идеи. Мне сказали, что мне нужно высшее образование. Я сказала им, что они зря потратят свои деньги, потому что все, что я хочу от жизни, это выйти замуж за Бена и начать рожать детей.

Они выиграли, и я пошла в колледж. Я влезла в горячую неделю набора в студенческое сестринство, но в конце недели вылетела. Ну и ладно, не больно-то мне и хотелось быть девушкой из сестринства — но почему-то это было больно. Я подумала, что меня подвела застенчивость. С друзьями или с Беном, я трещала без умолку, любила смеяться сама и смешить Бена и моих друзей, но оказавшись в обществе новых людей я или молча тупила или начинала нести околесицу — а потом месяцами из-за этого переживала. Я краснела, когда со мной заговаривали, и чем больше боролась с этим эффектом, тем сильнее краснела.

Я начала много тусоваться, оценки закономерно испортились, а в конце первого курса меня отстранили от занятий. Я также рассталась с Беном, не имея возможности сказать ему, почему. Нас с Беном сильно тянуло друг к другу физически, но в начале наших отношений мы реши-

ли, что не собираемся «идти до конца», пока не поженимся. А весной на первом курсе я впервые легла в постель с мужчиной — и это был не Бен. Его звали Джимом и в конце концов я вышла за него замуж. Ненадолго правда — брак вскоре распался и я осталась одна.

Я всегда был половинкой пары — сначала Бен, потом Джим. Теперь я была одна с маленькой дочкой и должна была начать все сначала. Юта не казалась подходящим местом для матерей-одиночек, поэтому я начал думать о переезде. У Энджи, моей подруги со средней школы, только что был неудачный опыт работы волонтером VISTA, и она тоже искала новый старт. Мы рассматривали Сан-Франциско, где жила моя сестра, но решили, что это будет слишком сложно для нас. На каникулах мы поехали кататься на лыжах в Сан-Вэлли, встретили там парней, которые учились организовывать лыжный патруль для нового курорта недалеко от Сиэтла, и нас легко убедили, что Сиэтл может быть подходящим местом. У меня там даже жил двоюродный брат, и я полагала, что наличие семьи поблизости смягчит чувство кома в горле, которое у меня возникало из-за того, что я покидаю свою семью и знакомую территорию.

Мне пришлось остаться здесь достаточно надолго, чтобы получить степень, поэтому Энджи пошла вперед одна. Я продержалась в Юте до осени, когда пришло понимание: сейчас или никогда.

ГЛАВА 2. ВЫСОКИЙ, РЫЖЕВОЛОСЫЙ, ИДЕАЛЬНЫЙ

Я влюбилась в Сиэтл с первого взгляда. Мой брат и его жена тащили арендованный прицеп «Ю-Хол» с моими пожитками за своей машиной, а мы с Тиной следовали за ними на моем «Фольксвагене». И вот рано утром мы въехали в город по одному из длинных наплавных мостов, пересекающих озеро Вашингтон. Шел дождь, и верхушки вечнозеленых деревьев утопали в клочьях тумана. Все, что не было серым, было зеленым. На озере стояли парусники, вокруг холмы, а справа — университет штата Вагшингтон. Я не могла дождаться начала своей новой жизни.

Мы с Тиной жили с Энджи и двумя ее соседками по комнате в ее квартире на Капитолийском холме, пока я не нашла собственное жилье. Город был для меня новым миром. Куда бы я ни посмотрел, вода была повсюду: озеро Вашингтон на востоке, Пьюджет-Саунд на западе, озеро Юнион посередине и канал со шлюзами, соединявший их все. Потеряв чувство направления, я путала один водоем с другим. С нумерацией улиц все было плохо. Одна улица называлась «40-й Северо-Восточной», а другая — «Северо-Восточной 40-й».

Через несколько дней я нашла квартиру по карману, примерно в двенадцати кварталах от Энджи. Я не знала, что арендная плата тут намного выше, чем в Юте, и что ее надо платить за первый и последний месяц, а также внести депозит за уборку. Места было немного — квартира с одной спальней на первом этаже в здании 1950-х годов, похожем на мотель. Из мебели — комплект из бирю-

зовых дивана и стула из искусственной кожи «Ногахайд», журнальный столик. Кухня была размером со шкаф, холодильник — с телевизор. С одной стороны была крошечная веранда, с которой я могла любоваться соседней многоэтажкой. Тине, которой только что исполнилось три года, придется спать на диване, пока мы не сможем позволить себе что-то получше.

Я сразу принялась искать работу. Моя степень в области бизнеса и семейной жизни никого не впечатляла, но я думала, что смогу получить хорошую секретарскую работу. Первым моим выбором был Вашингтонский университет — я привыкла быть студентом — и меня воодушевило, когда отдел кадров университета отправил меня на собеседование в Медицинскую школу. Когда я вышел от кадровика, мимо промчалась кавалькада в дюжину полицейских машин, набитых копами в полной боевой экипировке. Через несколько минут, пытаясь найти дорогу через кампус, я наткнулся на огромную строительную площадку, вокруг которой слонялась толпа с пикетами. Внезапно в толпе раздался громкий вой, когда какие-то чернокожие столкнули бульдозер с края ямы глубиной в сто футов. Когда он рухнул на дно, в толпу двинулся спецназ. Я ошарашенно стояла, сжимая в руках карту кампуса. На собеседование я опоздала почти на сорок пять минут.

Человек, который принимал собеседование (а позже стал моим боссом и другом), сказал мне, чтобы я не парилась — то, чему я стала свидетелем, произошло в Верхнем Кампусе, а здесь, в Медицинских Науках, все тихо и спокойно. Как я узнала позже, это был один из самых жестких протестов за гражданские права в Сиэтле, гневным требованием нанять больше чернокожих для строительства. Собеседование прошло хорошо, и через несколько дней меня взяли секретарем на один из медицинских факультетов университета.

За несколько недель моя жизнь в городе начала обретать форму. Отсутствие бабушек, которые могли бы позаботиться о Тине, было проблемой, но я смог найти хороший детский сад в Университетском округе. Иногда по утрам Тина плакала, когда я уходила — это конечно не добавляло спокойствия и уверенности в себе. Я задавалась вопросом, как я могу быть хорошей матерью, работая по восемь часов в день. Я много звонила родителям и жалела, что не могу зайти на воскресный ужин, но в целом была довольна тем, что начала новую жизнь.

Деньги, как всегда, были проблемой. Я тщательно пересчитала свои четвертаки и десятицентовики. Однажды в субботу я загрузила свою одежду в стиральную машину в прачечной и, взяв с собой Тину, пошла через улицу, навестить Энджи. Когда я вернулась переложить одежду в сушилку, на лобовом стекле моей машины был парковочный талон. Штраф — двадцать долларов!

Я сидела на кухне у Энджи и все еще плакала из-за проклятого талона, когда вошел бойфренд одной из ее соседок по комнате.

— Что тебе нужно, — сказал он, — так это уйти в отрыв на ночь. Давай найдем тебе няню, пойдем и пошумим.

Это не решало проблем с деньгами, но звучало хорошо. Дом Энджи был штаб-квартирой для компании, которую мы знали по Юте, их друзей и подруг. На ночь была назначена вечеринка чтобы отпраздновать мой штраф за парковку.

Когда мы с Энджи добрались до таверны «Сэндпайпер» в Университетском округе, наши друзья уже начали собираться. Внутри было темно; люди танцевали на приподнятом танцполе под гремевший хитами «Битлз» и Джимми Хендрикса музыкальный автомат, одетые по последней общажной моде в джинсы и свитера. Это не так уж от-

личалось от субботнего вечера дома. После пары пива я решила, что это именно то, что мне нужно. После еще нескольких порций я даже не стеснялась.

Последние капли застенчивости исчезли, когда высокий рыжеволосый мужчина пригласил меня на танец. Я уже оценила его через всю комнату. Он выглядел немного старше и лучше одет чем остальная часть толпы; Я подумала, что он наверное учился на последнем курсе или, может быть, даже инструктор.

— Часто здесь бываешь? — спросил он, пока мы танцевали.

— Ну, — сказала я, — это первый раз, когда я вышел из дома с тех пор, как переехала в Сиэтл.

Он спросил неизбежное «откуда?» и я хотел сказать Сан-Франциско или какое-нибудь другое место, которое звучало бы стильно, но я признался в Юте.

— Юта! — воскликнул он. — Разве это не в Вайоминге?

Мы смеялись над тем, где на самом деле находится Юта — где-то в районе Большого Соленого озера — и вели себя как незнакомцы в барах, пока не стихла музыка.

Я танцевала со всеми, кто приглашал. Выпивка и танцы идут рука об руку, и каждый раз, когда я возвращалась к столику, пиво становилось все вкуснее. Я все пытался поймать взгляд рыжеволосого мужчины, но обычно он танцевал с кем-то еще. Мы пару раз улыбнулись друг другу через танцпол, но он больше меня не приглашал.

Позже вечером худощавый молодой человек пригласил меня на танец, и я согласилась, хотя мы с Энджи только что пошутили о его вкусах в одежде. Он показался мне каким-то придурком, и, ища шанс сбежать, я увидел рыжего, сидящего в одиночестве с грустным видом. Я направился к его столику.

— Ты выглядишь так, будто твой лучший друг только что умер, — сказал я. Он удивленно посмотрел вверх. —

Я сказал, что ты выглядишь ниже брюха змеи на гусеницах.

— Так вы, ребята из Юты, разговариваете? — он сказал. — Как вы себя называете? Ютонцы? Ютаитянцы?

— Ютяяяяяне, — сказал я ему своим лучшим захо-лустным голосом. Он рассмеялся, и я присела к нему. Он спросил меня, была ли я студенткой. У меня было искушение сказать «да» — я терпеть не могла говорить, что я секретарь. Я сказала, что работаю в университете, но потом поймала себя на том, что рассказываю, что делаю сердечные клапаны на инструментальном факультете. Я чувствовала, что краснею, поэтому начала болтать о том, что живу в Сиэтле всего пару недель, о том, что все время идет дождь, о беспорядках, которые я видела в кампусе... что-нибудь, чтобы говорить.

Он хотел знать, почему я уехала из Юты. Я вкратце рассказала, что была замужем, что у меня есть дочь и что мой брак распался. Я объяснила, что Юта очень ориентирована на семью и что я чувствую себя там не на своем месте. Он спросил, почему я не считаю свою дочь и себя семьей.

— Думаю, я считаю, — сказала я. — Но остальная Юта — нет.

— На самом деле, я только что сам переехал сюда, — сказал он. — Я жил в Филадельфии и ходил в школу в Темпле, а теперь переехал сюда, чтобы поступить на юридический.

У него была характерная манера говорить — не совсем восточный акцент, скорее британский. Он сказал, что его зовут Тед Банди.

Я поняла, когда впервые посмотрела на него, еще до того, как мы потанцевали, что он был на голову выше остальной толпы. Его брюки и водолазка определенно не

были не из магазинов уцененки типа «Дж. С. Пенни», и то, как он двигался, излучало уверенность. Казалось, он контролирует свой мир.

Сидя с ним за столиком, я поражалась тому, как с ним легко. Его улыбка заставляла меня улыбаться в ответ, а красивые ясные голубые глаза загорались, когда он улыбался. У него были густые ресницы, сильный подбородок, густые вьющиеся волосы и красивое тело. Когда он сказал, что ему всего двадцать три, я не могла в это поверить.

Он сказал, что не осознавал, что выглядел грустным. Он как раз думал уходить. Пара за соседним столиком встала, чтобы уйти, и предложила нам свой недопитый кувшин пива. Я сказала, что никогда не позволяла хорошему пиву пропадать. Тед хотел знать, где я была в Сиэтле.

— Ты не бывала на общественном рынке? Мы должны сходить туда как-нибудь. Тебе понравится.

Химия между нами была невероятной. Глядя на его красивое лицо, пока он говорил о том, куда пойти и что посмотреть, я уже планировала свадьбу и давала имена детям. Он говорил мне, что скучает по кухне, потому что любит готовить. Идеальный. Мой принц.

Кувшин опустел, а толпа все бурлила. Я пригласила Теда выпить кофе с моими друзьями, и он сказал: «Конечно». Поскольку у него не было машины, он поехал на моей вместе с Энджи и парой других людей. Ночной воздух заставил меня осознать, насколько я пьяна. Мы не могли найти кафе, в которое направлялись, и когда зарево начало тускнеть, Энджи и остальные решили вернуться домой. Когда они вышли из машины на ее дома, Тед сел за руль и отвез меня к дому няни, чтобы забрать Тину. На няне был только комбинезон, и когда она наклонялась, можно было видеть ее пупок. Мне стало неловко, но Тед не обратил на нее внимания. Он подхватил спящую Тину и понес к машине. Я села за руль, а Тед держал Тину на коленях.

Сейчас большую часть разговора вел Тед, а у меня выпитое пиво начало проситься наружу. Он писал книгу о Вьетнаме, в которой объяснял, как культурные различия между американцами и вьетнамцами способствовали войне. Я была немного удивлена и немного скептически настроена, но старалась сосредоточиться на вождении машины, а не на тошнотных позывах.

Ближайшая парковка была в двух кварталах от моей квартиры. Тед перенес Тину и осторожно уложил ее спать на кушетку.

— Похоже, я не в состоянии отвезти тебя домой, — сказала я. — Почему бы тебе просто не остаться здесь?

Я чувствовала себя так плохо, что все, что смогла сделать, это снять туфли и упасть в постель. Я помню Теда, все еще одетого, лежащего рядом со мной, затем комната бешено кружилась. Я свесил одну ногу с края кровати и поставил ступню на пол, чтобы она перестала вращаться. Потом я спала беспокойно.

Я знала, что Тед не спал и ходил по квартире часть ночи. Однажды я открыла глаза и увидела, что он стоит рядом с моим комодом и смотрит на мои флакончики с духами и прочее. Я пожалела, что забыла свои противозачаточные таблетки, но я не проснулась достаточно надолго, чтобы представить, о чем он, должно быть, думает.

ГЛАВА 3. СЛИШКОМ МНОГОЕ, СЛИШКОМ БЫСТРО

Было семь часов утра. Казалось, что я совсем не спала. Я слышала, как Тед ходит по кухне. Никогда в жизни я не приводила домой мужчину из бара. В этом ли смысл городской жизни? Моя голова пульсировала, когда я встала с кровати, все еще одетая во вчерашнюю одежду, и побрела в гостиную.

Тед выходил из кухни с чашкой кофе для меня. О Боже, я и не помнила, какой он красивый. Он не выглядел так, будто спал в одежде.

Он приложил палец к губам и указал на спящую Тину. Ему не нужно было затыкать меня, потому что я не могла придумать, что сказать.

— Как ты себя чувствуешь? — прошептал он, когда мы возвращались в спальню.

— Ужасно. Невероятно ужасно. — Я порылась в сумочке в поисках аспирина.

— Поешь, почувствуешь себя лучше, — сказал он. — Если ты не против, я бы сделал болтуню и поджарил тост.

— На самом деле я не человек-завтрак. — От мысли о еде меня тошнило.

— А я уже начал, — признался он.

Я быстро приняла душ, надела свежую одежду и присоединилась к нему за столом. Тина скоро проснется, и мне нужно было собраться, когда я познакомлю ее с этим человеком, которого даже не знаю. Я понятия не имела, как себя вести.

Мы с Тиной планировали прокатиться на пароме через Пьюджет-Саунд.

Тед намекнул, что хотел бы пойти со мной, но я проигнорировала намек и предложила подбросить его до его дома в Университетском округе. Слишком многое происходило слишком быстро.

* * *

Прозвучал паромный свисток, я думала, что моя голова расколется. Я не могла без головокружения смотреть на скользящую мимо нас воду. Тина прижалась лицом к окну, а я сидела с чашкой кофе в руке. Я действительно взорвала свою жизнь, подумала я. Подбирать мужчин в барах было не в моем стиле. Тем не менее, я без задней мысли привела домой Теда, которого знала всего два или три часа.

Я думала о нем. Он вел себя так, как будто это не было для него необычным опытом, но он казался таким классным, выше такого рода встречи. Что он подумает обо мне? Какая мать поведет незнакомого мужчину домой на глазах у своего ребенка?

Два часа пейзажей Пьюджет-Саунд были потеряны для меня. К тому времени, как паром подошел к причалу Сиэтла, я решила, что хочу больше никогда не видеть Теда. Я надеялась, что память о прошлой ночи как-то исчезнет.

В тот вечер позвонил Тед, такой же веселый, как и утром. Он хотел знать, как мы наслаждались поездкой на пароме, и шутил о том, как я была пьяна, и о моем ужасном похмелье. Но я была отстранена, все еще унижена, и мы болтали всего несколько минут.

Наступил понедельник, и я не могла перестать думать о том, что произошло. Меня действительно привле-

кал этот человек — далеко не чуточку! — но мне хотелось, чтобы первая встреча была другой.

Во вторник кто-то из отдела кадров университета позвонил мне в офис, чтобы убедиться, что я там работаю. В то время это казалось немного странным. Выходя с работы и направляясь к своей машине, я подняла голову и увидела, что Тед идет ко мне через парковку.

— Ну, привет, — выпалила я, — я как раз думал о тебе.

Я покраснела и почувствовал себя смешным: последние три дня я ни о чем другом и не думала.

Мы разговорились так же легко, как в таверне. Договорились поужинать у меня дома, он предложил стейки и вино, а я кинул ему ключи от машины. Мы пошли в супермаркет, который я не обнаружила раньше. Он был огромным и безупречно чистым, с широкими проходами и без длинных очередей у касс. Позже я узнал, что это был самый классный супермаркет в городе. Семейный магазин рядом с моей квартирой был грязным маленьким магазинчиком, который в основном занимался бизнесом в Тандерберде.

Тед много знал о еде и вине. Он выбрал стейки, буханку французского хлеба и зелень для салата, а затем повел меня через улицу в винный магазин. «Это должно быть хорошо», сказал он, беря с полки бутылку французского красного вина.

Я была бы впечатлена любым вином, которое было бы в бутылке с пробкой.

Мы забрали Тину из детского сада и пошли домой готовить.

Я была впечатлена мастерством Теда на кухне; он оставил его чистым после воскресного завтрака, и теперь принял командование.

— А у тебя случайно нет свежего чеснока? — спросил он.

— О да, — сказала я, доставая чеснок из шкафа. «Наконец, — счастливо подумала я про себя, — наконец-то я сделала что-то правильно».

Я поставила хлеб в духовку и приготовила салат, пока мы без остановки говорили о себе, о городе, о политике — обо всем, о чем люди говорят, когда впервые узнают друг друга.

Тина проверяла воду, требуя много внимания. Тед сказал мне, что мало общался с маленькими детьми, но с ней он был очарователен. После ужина он спросил ее, есть ли у нее любимая книга, которую он мог бы ей прочитать. Она любила сказки и побежала за Мишкой Тедди из Бумкин-Холлоу.

— Ах, да, — сказал Тед. — Я хорошо знаю эту историю. Медвежонок Фредди из Быквенной Лощины.

— Ну-ну, — хихикнула Тина. — Это медвежонок ТЕДДИ из Пыквенной Лощины.

— Понятно, — сказал Тед. — медвежонок Тедди из Тыквенной Лощины.

— Бык, — сказала Тина. Так оно и пошло, Тина ловила каждое слово Теда, ожидая, его глупую ошибку.

Мы уложили Тину спать в моей постели и, пока мыли посуду, снова говорили о Северо-Западе. Тед был не с Восточного побережья, как я предполагал, а из Такомы, города примерно в тридцати милях к югу от Сиэтла. Он хорошо знал этот край и был восхищен тем, как я очарован его родной территорией. Он хотел показать мне все свои любимые места.

Тина наконец уснула и бутылка вина почти опустела и он спросил меня, не хочу ли я провести с ним выходные в Ванкувере, Британская Колумбия. Я сказал да. Он поце-

ловал меня на ночь и ушел домой, но когда мы поцеловались, стало ясно, что мы оба хотим большего.

Я позвонила Энджи и сообщила хорошие новости. Я пыталась сохранить немного хладнокровия; Я не хотела подвергать себя большому падению, но трудно быть крутым, когда улыбаешься до ушей. Энджи тоже собиралась уехать на выходные, но сказала, что я могу оставить Тину с ее соседками по комнате.

В пятницу утром Тед приехал, отвезти нас на работу и в детский сад, а машину отвез на заправку и заодно проверил шины, масло и все остальное. В вельветовом спортивном пиджаке и галстук он был похож на молодого человека, отправляющегося в юридическую контору расследовать важное дело. День пролетел незаметно.

Я была взволнована, но и напугана. Я что, буду такой же дерганой и косноязычной во время трехчасовой поездки?

Мне не стоило волноваться. Он рассказал о том, как вырос в Такоме, стал бойскаутом и продавал американские флаги по домам. Он сказал, что когда у него будет дом, он поставит флагшток перед домом и будет поднимать американский флаг каждый день, а не только по праздникам. Я не знала, серьезно он или нет.

Мы говорили о Вьетнаме. Мой брат служил там, и я боялась, что он может не вернуться. Я не думала, что жизнь Америки принадлежит войне. И я и Тед сходились во мнении, что неумеренное применение силы — напалм, ковровые бомбардировки — ясно давали понять, что мы хотим уничтожить Вьетнам, а не спасти его. Тед сказал мне, что его не призвали, потому что у него была категория годности «4-F» — у него был перелом лодыжки, которая неправильно срослась, но призывная комиссия в Такоме не считала, что такая травма должна удерживать

молодого человека от службы, поэтому он вел с ними непрекращающуюся битву.

Мы прибыли в Ванкувер около половины седьмого. Он был почти так же прекрасен, как ночной Сиэтл. Тед хотел остановиться в отеле «Ванкувер», элегантном старом отеле в самом центре города, но обнаружил, что у них нет номеров, поэтому мы поехали через квартал в Девоншир. Я остался в машине, когда он вошел, гадая, как он собирается зарегистрироваться. По-моему, мистер и миссис Т.Р. Банди смотрелось бы неплохо.

Мы вернулись в отель «Ванкувер» на ужин в огромном богато украшенном ресторане с высокими потолками и огромными люстрами. Я была в восторге. Потом мы отправились танцевать в оживленный клуб с танцорами го-го и своеобразной смесью хиппи, молодежи и бизнесменов постарше.

Мы немного потанцевали, но в основном сидели за столиком, пили скотч и воду и наблюдали за сценой. Музыка была настолько громкой, что нам пришлось перекрикивать ее. Было жарко и многолюдно. Вскоре Тед наклонился и прошептал мне на ухо: «Пошли».

Прохладный воздух снаружи был приятным. Тед повернулся ко мне, обнял меня обеими руками и подарил долгий, долгий поцелуй.

— Я хотел сделать это с тех пор, как встретил тебя шесть лет назад, — сказал он. — Или это было всего шесть дней назад?

Он снова поцеловал меня.

Мы не обращали внимания на людей, обходящих нас по тротуару.

— Если мы будем продолжать в том же духе, — сказал он, — нам придется вызывать скорую, чтобы вернуться в отель.

Мы вернулись в отель, немного погуляли и много целовались. Проходя через вестибюль, мы старались выглядеть спокойными. Не дай Бог, чтобы портье или коридорный узнали, что мы собирались сделать. Но как только мы вошли в лифт, я начал трусить. Действительно ли я хотела, чтобы этот великолепный парень увидел мое тело с растяжками, маленькой грудью и лишними пятью фунтами, которые я носила с тех пор, как родилась Тина?

Тед, по-видимому, не чувствовал колебаний и не чувствовал моих. В нашей комнате он обнял меня и начал целовать; потом химия взяла верх. Мы занимались любовью, как будто это был последний раз, когда мы видели друг друга, как будто мы пытались насытиться друг другом на всю жизнь.

Мне было хорошо рядом с ним. Он провел кончиками пальцев по моей спине. Мне было интересно, наслаждался ли он нашими занятиями любовью так же сильно, как и я. У меня было два любовника после развода. По разным причинам оба меня не удовлетворили. Но сейчас все было по другому. Мы снова занимались любовью и, наконец, заснули около четырех утра.

Мы задержались за завтраком в нашей комнате, сидя у окна и глядя на улицу и большой фонтан внизу. Мы больше говорили о себе, о моей жизни в Юте и будущем Теда как юриста. Я рассказал ему о своей школьной влюбленности. Он рассказал мне о старых чувствах к девушке по имени Сьюзан. Он познакомился с ней, когда жил в общежитии Университета штата Вашингтон. Она была стройной, красивой, умной, из богатой семьи Сан-Франциско. В конце концов она вернулась домой. Тед последовал за ней туда и записался на летние курсы китайского языка в Стэнфорд, но, по его словам, они разошлись. У нее была

своя собственная жизнь отдельно от него, и он, казалось, чувствовал, что это ее богатство отраживало его. Это меня удивило. Он всегда был так хорошо одет и казался таким непринужденным в этой роскошной обстановке.

Наконец мы вышли посмотреть на город. Ванкувер был даже более космополитичным, чем Сиэтл. Мы бродили по большому Чайнатауну, немецкому кварталу и мимо причудливых чайных. Мы шли, обняв друг друга, двигаясь вместе в идеальном ритме. У меня было легкое головокружение.

Возвращение в Сиэтл в субботу днем было наполнено нескончаемыми разговорами. О религии (мы оба не были активными прихожанами), наркотиках (и не курили марихуану), телевидении (и не смотрели ящик). У нас было еще так много дел, что мы не хотели расставаться. Мы остановились в Сиэтле и купили еды на ужин, прежде чем забрать Тину. Ей было что рассказать нам, и она нарисовала картинки, чтобы показать нам. Тед принес ей немного канадских конфет.

После того, как мы уложили Тину в постель, мы усадились за вином и беседой. Теду нравилось то, что он называл моей «точкой зрения маленького городка». Он думал, что это менее цинично, чем у большинства горожан. Он смеялся, когда я говорила о том, как мучительна моя застенчивость и как моя шея и лицо покрывались красными пятнами.

А еще мы занимались любовью.

— Хочешь, я пойду домой? — спросил он.

У меня были смешанные чувства по этому поводу. Было чудесно лежать рядом с ним, но после развода я часто говорила себе, что никогда не стану подвергать Тину череде ночных гостей — мужчин. Я должен был учить ее

примером, а не словами. С другой стороны, я очень хотела, чтобы он остался.

— Может быть, если бы мы успевали одеться до того, как она встанет, — сказала я. Мы оставили этот вопрос висеть, а пока заснули.

В воскресенье Тед показал нам с Тиной свою комнату в Университетском округе. В безукоризненно ухоженном старом ночлежном доме, принадлежавшем пожилой немецкой паре Эрнсту и Фреде, у Теда была большая угловая комната на втором этаже с огромными окнами и высоким потолком. Деревянные полы были покрыты старым пыльно-розовым узорчатым ковром. Все было аккуратно и безупречно — на комод лежала накрахмаленная салфетка. Тед познакомил меня со своим соседом по комнате, бостонским папоротником, горшок с которым стоял в углу, где сходились окна. Тед нарек его собственным именем — как ни странно Папоротником — и ухаживал за ним. У него была небольшая стереосистема, которую он настраивал на станцию классической музыки Сиэтла. Во всем этом месте было воздушное очарование, которое напомнило мне дома, которые я видела в Европе, куда ездила во времена учебы в школе. Я подумала, что комната идеально ему подходит.

Вскоре мы стали проводить большую часть времени вместе. У него была временная работа в курьерской компании, которая доставляла юридические документы. Я думала, он сказал мне, что учится на юридическом в ту ночь, когда мы встретились, но на самом деле он только ждал поступления в юридическую школу в следующем семестре.

Меня поразило и порадовало, насколько Теду понравилась наша домашняя сцена. Он казался жаждущим се-

мейной жизни. Он брал нас с Тиной во все свои любимые места: на рынок на главной улице Университетского округа под названием «Авеню», где мы просматривали магазины подержанных книг и пластинок, Международный округ, где мы ели китайскую еду, и Тед опробовал свой ограниченный китайский на терпеливых официантах.

Мы занимались любовью при каждом удобном случае. Я никогда раньше не чувствовала себя так близко ни к одному мужчине.

Я решила сказать ему, что никогда не буду связываться с другим студентом. Я хотела быть с кем-то основательным, с кем-то, кто мог бы поддержать меня, пока я воспитываю детей.

— И еще мысль потерять тебя, не быть с тобой...

— Я знаю, — сказал он. — Я чувствую то же. Но как будто мы знали друг друга раньше в какой-то прошлой жизни. Мы так хорошо подходим друг другу во многих отношениях. Мы заполняем все пробелы друг для друга. Я оглядываюсь назад на свою жизнь до встречи с тобой, и кажется, что она была ужасно пустой. Я люблю тебя больше, чем ты думаешь.

Мы хорошо подходили друг другу. Я считала, что лидером в отношениях должен быть мужчина, а Теду нравилось лидировать. Мне нравилось, как он защищал меня и Тину, как эмоционально, так и физически. Я наивно относилась к тому, что творилось в городе, и иногда шла на неоправданный риск.

Однажды вечером, когда Тед пришел после ужина, я сказала ему, что мы с Тиной остановились в Волонтер-парке по пути домой с работы, чтобы покататься на качелях, и что парк был практически в нашем распоряжении.

Он был в ужасе.

— Разве ты не понимаешь, насколько это изолированное место в случае неприятностей?

— Неприятностей? Каких неприятностей?

— О, их в Волонтер-парке найти легко, особенно в сумерках. Если хочешь поиграть в парке, сперва приходи за мной. Ты понимаешь?

Я застенчиво кивнула. Да, похоже я применяла мозги не по назначению.

ГЛАВА 4. КОГО ВООБЩЕ ВОЛНУЕТ БРАК В НАШИ ДНИ?

Мне нравилась моя работа, но вкалывать с восьми до пяти — утомительно, а когда я уставала, то срывалась на Тину. После чего приходило самобичевание за то, какая я отстойная мать, и следом обязательно контрольным выстрелом накатывала тоска по дому. Тед помог защитить меня от «женщины с кнутом», которая жила во мне, которая всегда говорила мне, что я должна быть лучшей матерью, должна усерднее работать, должна иметь больше энергии. Он считал, что у меня все в порядке с Тиной и с моей работой тоже. Его мнение много значило для меня.

Я давно уже признался ему, что работаю секретарем, но ему нравилось слушать о моей работе, и он сказал мне, что считает мою работу важной. Мой рассказ об изготовлении сердечных клапанов превратился между нами в шутку. Каждое воскресенье вечером Тед говорил: «Лучше ложись спать пораньше, чтобы отдохнуть перед завтрашним изготовлением сердечных клапанов».

Разговоры, еда, забота о Тине и совместный сон — все это протекало так легко, что мы стали семьей. Тед планировал специальные мероприятия, которые, как он знал, будут интересны Тине — поездки на Зеленое озеро, чтобы покормить хлебом уток, или посещение зоопарка. Пока мы шли, Тина хватала нас за обе руки и кричала: «Качай меня! качай меня!» Казалось, я устаю от этого гораздо быстрее, чем Тед или Тина, но когда я не могла больше играть, они легко продолжали без меня. Тед качал ее за руку

и за ногу, пока у них обоих не закружилась голова. Дома они вдвоем устраивали турниры по щекотанию на полу. Тина кричала: «Спаси меня, мама, спаси меня!» а потом мы все катались по полу, смеясь и щекоча, пока кто-нибудь, обычно я, не призывал к перемирию.

Утром по субботам утром Тина и Тед вместе смотрели мультфильмы и давали мне поспать. Их фаворитом был Дадли Дорайт и Маунти. У Дадли была девушка по имени Нелл, которую он спас от злодеев, которые обычно привязывали ее к железнодорожным путям. Тед мог идеально подражать Дадли, а Тину он называл «Нелл». Вместе «Дадли и Нелл» готовили завтрак и приносили его мне в постель.

Однажды ноябрьским вечером Тед пригласил нас на ужин в дом своих родителей в Такоме. Он сказал, что Такома — скучный, уродливый город. Я не думала, что все плохо выглядело, но пахло действительно плохо — запах тухлых яиц ударил в ноздри еще за мили от города. Тед объяснил, что все дело в целлюлозном заводе, известном в округе как «Ароматы Такомы».

Я нервничала перед встречей с родственниками Теда. Я была уверена, что развод и ребенок — это целые два жирных минуса в их досье на девушку их любимого сына. А еще я думала, что они богачи. Но семейство Банди жило теплом и уютном двухэтажном доме в колониальном стиле, в который недавно переехали. Тед терпеть не мог старый семейный дом, в котором вырос — его комната в подвале так и не была достроена, и ему было неловко приводить домой друзей. Я встретила его четверых младших братьев и сестер, которые все еще жили дома, и я поладила с его отцом.

Джонни Банди работал поваром в армейском госпитале. Он был родом из Озарка, и у него было полно длин-

ных историй о яичнице-болтунье для пятисот человек и о ломающихся машинах. Он говорил с южным акцентом, а я с удовольствием слушала. Он был открытым и дружелюбным, и я чувствовала, что в этом доме мне рады.

Луиза, мать Теда, работала секретарем в их Методистской Церкви. Она тоже была дружелюбной, но более формальной. По дороге домой Тед заверил меня, что мы с Тиной им понравились.

— А Сьюзен им нравилась? — спросила я. Память о его стройной, хорошенькой, умной, богатой бывшей девушке все еще была со мной.

— Похоже, ты им нравишься больше, — сказал он, смеясь.

Я поняла, что на самом деле моя семья была богаче, чем семья Теда. Его финансы были такими же, как и у большинства студентов, которых я знала: обычно он был на мели. Вскоре после наших роскошных выходных в Ванкувере Тед пригласил меня на ужин в дорогой ресторан с видом на Пьюджет-Саунд. Позже он признался, что потратил на эту еду свой последний доллар, и что нам пришлось бы мыть посуду, если бы я заказала еще выпить. Мы смеялись над этим, и я была тем более польщена, что он позвал меня туда. Даже в ту ночь, когда мы встретились в таверне «Сэндпайпер», наконец признался он, причина, по которой он сидел за столом с таким подавленным видом, заключалась в том, что у него кончались деньги на пиво.

И все же ни один из нас не сомневался в том, что в будущем Теда ждет богатство. Казалось, он был помечен успехом. Я была совершенно счастлива ездить с ним на своей машине, платить за бензин и за еду, которую он ел у меня дома. Я был уверен, что в конце концов все выровняется.

Мы с Тиной планировали лететь домой в Юту, чтобы провести Рождество с моими родителями. Двое дру-

зей Энджи ехали в Юту на каникулы, и Теда не составило труда уговорить поехать с ними. Им было трудно преодолевать заснеженные горные перевалы, и когда они подъехали к дому моих родителей поздно вечером в канун Рождества, мама и папа уже легли спать. Было холодно и ясно, земля была покрыта снегом. Тед не мог поверить, насколько чистое небо и сколько на нем звезд. Мы катались в снегу и умывались в нем друг другу. Я показал ему свою старую спальню, где мы с Тиной будем спать, и комнату для гостей, где он будет спать. Мы ржали о том, как будем разыгрывать целомудрие — Мне и в голову не пришло рассказать родителям о том, что в Сиэтле мы спим вместе.

Знакомство Тед с моими родителями состоялось утром. Они пришли по душе друг другу. С папой они нашли общий язык на теме американского футбола и политики. Я всегда считала отца тихим и сдержанным, но они с Тедом проговорили часами. Мама никогда и никому не позволяет помогать на кухне, поэтому Тед не просил помочь — он просто помогал. Она любила травить анекдоты, и Тед был идеальным слушателем. Они вдвоем смеялись и вместе готовили рождественский ужин, а остальных не пускали на кухню. Позже мы все вместе отправились в гости к друзьям семьи, и Тед, казалось, вписывался везде, куда бы ни пошел. Для меня было облегчением быть с ним и позволить ему вести разговор. В конце дня он позвонил своей семье в Такому, чтобы пожелать им счастливого Рождества.

Родители были довольны Тедом, единственное упрек моей матери заключалось в том, что она считала его слишком строгим с Тиной; но она была бабушкой, и даже мне казалось, что иногда она баловала Тину.

Мама и папа хотели оставить Тину еще на неделю, и она была очень взволнована. Тед поехал обратно с друзьями-

ми Энджи, а на следующий день я полетела обратно в Сиэтл в одиночестве, чтобы застать самый унылый из серых зимних дождей. Но Тед пришел в ту ночь, и погода не имела никакого значения.

У нас была неделя, которую мы могли провести так, как нам заблагорассудится. Впервые мы могли ночевать у него дома. Мне нравилось быть там, в окружении его вещей. Я смеялся над пенопластовой сувенирной шляпой из фальшивой соломы, которую он сохранил со времен кампании Рокфеллера 1968 года, но Тед гордился ею. Он отправился на съезд республиканцев в Майами, чтобы поддержать Рокфеллера. По его словам, вся эта шумиха со стороны может показаться глупой, но он понял, что увлечен съездом.

Несмотря на формальный консерватизм, Тед сочувствовал студенческим демонстрациям в кампусе. Он был против войны во Вьетнаме и критически относился к университету как учреждению. В те дни в кампусе царил постоянная суматоха. Однажды Тед пришел в мой офис, запыхавшись, сказать мне, что Томпсон-холл был занят протестующими, которые утверждали, что здание было центром деятельности ЦРУ в кампусе. Мы вышли посмотреть. Полицейские перегородили улицу баррикадами, вся сцена казалась нереальной, как декорация в кино.

— Они ничего не испортили, — сказал Тед. — Они справились, здание за ними, и все прошло совершенно ненасильственно».

Но каким бы умным ни был Тед, у него был один изъян, который меня удивила. Вскоре после того, как мы начали проводить время вместе, он пришел однажды ночью и сказал, что хочет сказать мне что-то очень важное, что-то, что может изменить мое мнение о нем. Дрожа от волнения, он сказал мне, что незаконнорожденный. Его мать